

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ
СЛОВА О ПОГИБЕЛИ РУССКАЯ ЗЕМЛИ

Слово до нас не дошло. Известно лишь его начало - всего 45 строк. В этом маленьком отрывке заключен проникновенный гимн русской земле, пожалуй, не находящий себе равного ни в одном из дошедших произведений древнерусской литературы.

Этим замечательным строкам посвящено более 150 исследований. Однако, до последнего времени не удавалось ответить даже на такой вопрос: чему именно посвящено произведение в целом. Затруднения были вызваны не только краткостью дошедшего до нас отрывка. Исследование памятника тормозилось отсутствием ясности даже в таком вопросе - существовало ли, вообще, в природе такое произведение - Слово о гибели русская земля. Многие исследователи были убеждены, что не существовало, и что Слово - всего навсего предисловие к Житию Александра Невского. Так считали крупнейшие историки литературы - И.Р. Жданов, С.А. Богуславский, В.И. Мансикка, Н.И. Серебрянский, А.С. Орлов, Н.К. Гудзий и В.И. Малышев. Сила этих авторитетов подкреплялась силой того непреложного факта, что Слово о гибели... дошло до нас только в двух списках и в обоих случаях именно как предисловие к Житию Александра Невского. Другие исследователи, считавшие Слово началом отдельного произ-

ведения, которое до нас ^{не} дошло, не сумели этого убедительно доказать. Отрицание существования в древнерусской литературе такого самостоятельного произведения являлось господствующим взглядом.

Важным вкладом в исследование этого вопроса является диссертация Ю.К.Бегунова "Слово о погибели руския земли"¹⁾. Существование Слова о погибели, как отдельного произведения, начало которого, значительно позднее, только в XV веке, было впервые соединено с "Житием Александра Невского", представляется мне вполне доказанным в этой работе.

Ю.К.Бегунов тщательно изучил все известные и два им самим открытые списка "Жития Александра Невского". В результате выяснилось, что "Слово" и "Житие" - два совершенно разных произведения по языку, стилю, по ритму, по духу, по задачам и по времени происхождения. Автор рассуждает так: наличие 2-х списков, где "Слово" соединено с "Житием", не свидетельствует о множественности таких соединений. Ю.К.Бегунов устанавливает, что оба списка "жития", содержащих "Слово", восходят к одному общему для них архетипу. Если так - соединение "Слова" и "Жития" оказывается было единичным актом, а дальнейшее размножение этого

---

1). Представлена Ю.К.Бегуновым на соискание ученой степени кандидата филологических наук и защищена на заседании Учебного Совета Института русской литературы (Пушкинский дом) 19 мая 1960 года. (в дальнейшем - Ю.К.Бегунов, диссертация...)

единичного варианта, в любом количестве списков, равно ничего не доказывает, сколько бы таких списков не оказалось. Кстати, и оказалось-то их всего два, то-есть в пять раз меньше чем списков "Ития", не включающих "Слова о погибели..." Ю.К.Бегунов исследовал этот единственный вариант, соединивший вместе "Слово" и "Итие". Ему удалось установить, что этот вариант "Ития" восходит к таким спискам, в которых "Слова о погибели..." не было. Таким образом, факт присоединения "Слова" к "Итию" носит не только единичный, но и вторичный характер и в первоначальной редакции "Ития" "Слова о погибели..." не содержалось²⁾. Многочисленные соображения предшественников Ю.К.Бегунова, которые говорили по него о самостоятельности "Слова" приобрели теперь очень сильную поддержку³⁾.

Значительно более отчетливо, чем раньше, возникает задача предпринять поиски недостающей части памятника, от которого сохранилось только начало. Для того, чтобы приступить к ним, необходимо, на основании дошедшего отрывка

2). См. Ю.К.Бегунов, диссертация ... стр. 227-239.

3). Эти соображения были изложены мною в отзыве официального оппонента на защите Ю.К.Бегунова.

со всей возможной ясностью определить: чему посвящено произведение в целом, что следует искать.

Приведем целиком последние строки, сохранившиеся в древнейшем списке Исково-Печерского монастыря⁴⁾.

"Слово о погибели Руския земли от смерти великого князя Ярославя.

О светло светлая и украсно украшена земля Руськая! И многими красотами удивлена еси: озери многими, удивлена еси реками и кланяныи, месточестными горами, крутыми холми, високими дубравами, чистыми полями, ливными зверьми, различными птицами, бесчисленными⁵⁾, городами великими, селы дивными, виноградны обительными, домами церковными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многими. Всего еси исполнена земля Руская, о правонарная вера христианская! От селя до угор и до ляхов, до чяхов, от чяхов до итвян до литвы, до немещь, от немещь до корелы от ^{Корелы} до истога, где тамо бяху томили погани, и за Двешчии морем; от моря до болгар, от болгарь до буртас, от буртас до черемис, от черемис до мордвы - то все

4). Привожу текст, помещенный в приложении к указанной диссертации Ю.К.Бегунова, где он воспроизведен наиболее точно (стр. 3-5); При этом, однако, я не воспроизвожу букв и орфографии старинного алфавита. Кроме того, я иначе чем Ю.К.Бегунов читаю заглавие не "по смерти", а "от смерти", что будет специально обосновано.

5). Слово "бесчисленныи" отнесено Ю.К.Бегуновым к существительному "птицами". Думаю, что это ошибка и относить его следует к слову "горюди". Считать птиц, или хотя бы одних ворон издревле было пустым занятием. Гордиться тем, что птиц столько, что не сосчитать - бессмысленно. Бесчисленные поселения - это действительно характеризует богатство природы.

покорено было богом христианскому языку поганьскыя страны: великому князю Всеволоду, отцу его Юрью, князю Киевскому, деду его Володимеру и Манаху, которым то половцы дети своя ношаху в колыбели; а литва из болота на свет не выныкиваху, а угры твердяху каменный городы железными вороты, абы и на них великий Владимир тамо не въсехал. А немцы радовахуся, далече будуче за синим морем; буртасы, черемиси, вяда и мордва бортничяху на князя великого Володимера; и жюр Мануил царегородский, Ошас имея, поне и великия дары посылаша к нему, абы под ним великий князь Володимер Царягорода не взял.

А в ты дни болезнь христианом от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава и до брата его Юрья, князя Володимерьского"...

Несмотря на краткость отрывка, из него можно понять, каким именно событиям посвящено произведение. Обратим внимание на хронологическую формулу: "от великаго Ярослава... и до ныняшняго Ярослава..." Очевидно, что имя второго "ныняшняго" Ярослава не могло быть поставлено в формулу - от и до - где начальная точка ~~Великий~~ князь киевский, ~~уже~~ ранее того, как второй Ярослав сам стал "нынешним" великим князем. Формула именно такова - от одного великаго князя до другого, нынешнего. Сделанное тут же дополнение: "... и до брата его Юрья, князя Володимерьского"

так же указывает на время написания Слова. Юрий Всеволодович — старший брат Ярослава, был в течение 26 лет великим князем владимирским. До гибели этого могущественного северного властелина в 1238 году, в битве с татарами на реке Сити, было совершенно невозможно написать впереди его имени имя одного из его пяти младших братьев, в частности Ярослава, с определением "ныняшний". Напомню, что до смерти Юрия, Ярослав более двадцати лет (с 1215 года) фактически провел в Новгороде, что тем более исключало титулование его в этот период "ныняшним" владимирским князем вместе с Юрием. Поэтому вывод о том, что Слово было написано после вокняжения Ярослава и, следовательно, после смерти Юрия, представляется очевидным⁶⁾.

Нас, однако, интересует не столько время написания Слова, сколько его содержание. С этой точки зрения тем более важно, что автор не ограничивается именем Ярослава, чтобы обозначить "нынешнее" время, то-есть время, о котором пойдет речь. Имя уже погибшего Юрия названо здесь не случайно. Автор пишет во время княжения Ярослава, то-есть между 1238 и 1246 годами. Но то, о чем он пишет — гибель земли русской — началось раньше, еще при Юрии. Именно Юрий ведь и погиб. Обозначить время, о котором пойдет речь именем лишь ныне здравствующего князя — то-есть Ярослава — было недостаточно: за пределами этого

---

6). Так полагают многие исследователи Слова И.П.Бремин, А.В.Соловьев, Ю.К.Бегунов. Подробное изложение всех точек зрения по этому вопросу дано Ю.К.Бегуновым, Диссертация стр. 321-328.

отрезка оказался бы как раз предмет повествования. С другой стороны то, что имя "ныняшняго" Ярослава поставлено впереди имени Юрия может указывать на то, что главным героем Слова является именно Ярослав.

Учитывая сказанное, нам надо искать следы такого произведения, в котором бы содержалось следующее: известный нам гимн могуществу русской земли, покорившей многие народы, похвалу князьям мономахова рода, рассказ о нашествии татар на Владимиро-Суздальскую землю и описание вызванных им страшных бедствий гибели. Преимущественное внимание, несомненно, уделено судьбам самих владимирских князей, их семейств, их дружины. На первом плане безусловно фигурируют названные вначале великие князья - Юрий, который, как известно, терпит поражение и гибнет и Ярослав. Что конкретно ~~делает~~ делает Ярослав - предположить трудно. Ясно только, что описываются какие-то обстоятельства его княжения, в условиях ужасного погрома, пережитого княжеством. Надо полагать, что автор не обошелся без описания того горя и печали, которые охватили оставшихся в живых, по поводу смерти великого князя Юрия и его воинов. Поскольку княжение "ныняшняго" Ярослава началось уже после татарского погрома, очевидно, что описываются судьбы русской земли в условиях первых лет татарщины.

Определив в общих чертах, что именно надо искать, легче ответить и на главный практический вопрос - где искать? Следы Слова надо искать в тех памятниках, которые содержат описание или элементы описания похода Батю на Владимирскую землю, либо посвящены аналогичным татарским

погромам. В случаях использования художественных средств и фразеологии Слова для описания каких-то иных событий, оно должно сопровождаться заменой географических названий и личных имен, в соответствии с конкретными требованиями каждого данного использования.

Поскольку, в произведении идет речь о гибели земли русской, можно предположить, что эта словесная формула - погибель земли должна присутствовать в его тексте. Это может послужить важнейшим опознавательным знаком в наших разысканиях.

Подчеркнем так же и такой важный негативный признак: искомый текст не должен походить на летописную повесть о нашествиях Батя на русскую землю, в частности на Владимир. Те же самые события, что и в летописной повести, должны быть изложены в иной форме.

На основании дошедшего отрывка исследователями, в частности Ю.К.Бегуновым, сделан ряд наблюдений над художественными особенностями произведения; Эти же особенности должны быть свойственны и искомой его части.

Таковы, вкратце, те исходные позиции, с которых были предприняты поиски следов недошедшего до нас Слова о гибели русская земли.

х х х

Во второй половине XV1 века, официальные московские книжники, под руководством, а иногда и при непосредственном участии самого Ивана Грозного, создали ряд монументальных историко-литературных памятников: многотомные летописные своды, Степенную книгу, Казанскую историю и др. Все эти со-

чинения имели одну задачу - возвеличить власть московских государей и дать историческое обоснование их исключительному праву на русское единое государство. Эта гигантская работа строилась на использовании огромного числа исторических и литературных памятников прошлого.

Множество прежних летописей, всевозможные сказания и повести, а также документы княжеских архивов были тщательно изучены. Весь материал подвергался отбору и пересматривался в строгом соответствии с официальной исторической концепцией XV века.

Если бы слово о погребении русских земель дошло до книжников XV века, оно должно было прийтись по душе им. Как мы знаем из дошедшего отрывка, этот памятник XIII века, с предельной яркостью и большой художественной силой, выражал ту самую мысль, которая была буквально навязчивой идеей ~~русской~~ московской исторической публицистики эпохи Грозного. Автор Слова в XIII веке в разгар удельной междоусобицы объявляет всю русскую землю, границы которой он очертил предельно широко, подвластной киевским, а затем владимирским великим князьям - предкам будущих князей московских. Такой именно взгляд был близок официальной московской историографии XV в., ради его обоснования был предпринят специальный, огромных размеров труд "Степенная книга", призванный изобразить всю историю Руси в виде смены княжений представителей одного великокняжеского рода - киевских, владимирский и московских князей, потомков Владимира Свято-славича и Владимира Мономаха.

Поскольку историческая действительность не соответствовала желаемой схеме составителям Степенной книги приходилось сплошь и рядом строить свое изложение вопреки фактам. Для того, чтобы, вместо феодального разобщения страны, нарисовать картину единой державы, например, Владимирских князей в XII-XIII вв., они вынуждены были отступать от древних летописей, перекомпоновывать и перекраивать их известия, а иногда прямо ^{или} вступать с искусными опровержениями нежелательных исторических представлений⁷⁾.

Легко представить себе, какое возмущенное отношение в этих условиях должен был вызвать подлинный памятник древности, с огромной художественной силой утверждавший о своем времени именно то самое, что официальные историки XV века с таким трудом искусственно конструировали. Совершенно понятно, что если бы Слово о погибели русская земли оказалось в их руках, они не оставили бы его без внимания.

Таковы соображения, побудившие меня обратиться к поискам следов Слова в сочинениях официальной историографии XV века. Естественно было начать с произведения, непосредственно посвященного истории русско-татарских отношений. Такое произведения хорошо известно.

х х х

---

7). См. Д.Н.Альшиц. Легенда о Всеволоде - полемический отклик XV века на "Слово о полку Игореве". ТОДРЛ, М.-Л., 1958, т. XIУ, стр. 64-70.

В начале 70-х годов XV1 века, в ознаменование победы над Казанью, в Москве был создан замечательный литературный памятник - "Казанская история", как бы собор Василия Блаженного в литературе. Это грандиозное литературное сооружение основано на весьма солидном историческом фундаменте. Повествование о войне с Казанью при Иване Грозном предпослана историческая часть, краткий обзор отношений Руси с татарами - с Золотой Ордой, а затем с наследницей и продолжательницей всех ее жестокостей и козней - Казанью. Не только текст, но уже и сама конструкция произведения, должны были подчеркнуть, что разгром и уничтожение Казанского царства является справедливым и даже гуманным возмездием за разгром и унижение Руси, учиненный татарами в прошлом. Первые несколько глав Казанской истории посвящены описанию того, как Русская земля воспряла после страшного татарского разорения и как, в свою очередь, потерпела разгром Золотая Орда. Заключительная глава этой части называется так: "О конечном запустении Золотья Орды, и о царе ея и о величестве Руския земли и о чести и красоте преславного града Москвы"⁸⁾. В ней рассказывается, как после набега на Орду московских воевод, в 1481 году, нагаи добились "останки орднския". "И тако скончашася цари орднстии, и таким божиим промыслом погибе царство и власть великия Орды Златня. И тогда великая наша Руская земля освободися от ярма и покорения бусурманскаго, и начат обновлятися яко

---

8) Г.Н.Моисеева. Казанская история. М.-Л., 1954, стр. 57. (В дальнейшем - Казанская история...).

от зимы и на тихую весну прелажается. И вьнде паки на преднее свое величество и благочестие и доброту, яко же при велицем князи первом Владимире православном⁹⁾. Заметим себе для будущего, что величие и слава Руси отнесена здесь автором не просто к дотатарским временам, а ко времени Владимира первого, иначе говоря, ко времени как раз предшествующему княжению "великого Ярослава", от которого, как указывает Слово, началась "болезнь христианом".

Сейчас нам важно подчеркнуть наличие в Казанской истории рассказа о гибели Золотой Орды, и возвеличения вновь, до высоты своего бывшего расцвета земли русской. Повествованию о том, как "погибе" от Руси Орда, в Казанской истории предшествует рассказ о том, как от Орды погибла Русь. Вопрос состоит в следующем: автор рассказывает о гибели земли Русской, зная специально посвященное этой теме произведение и придерживаясь его, или же его рассказ носит совершенно самостоятельный от этого произведения характер?

Казанская история начинается, как известно, небольшим обращением к читателю, за которым помещен следующий текст: "Бысть убо от начала Руския земли, яко же поведают, Русь и варвари, все то Руская земля была едина¹¹⁾".

---

9) Там же, стр. 57.

10) Цитирую здесь и в дальнейшем по публикации Г.Н.Моисеевой. Казанская история.

11). Здесь в публикации Г.Н.Моисеевой стоит запятая, что на мой взгляд искажает смысл.

Иде же ныне стоит град Казань, продолжающееся в долину с единою от Нова града Нижнего на восток, по обою странам великия реки Волги вниз и до болгарских рубежов и до Камы реки, в ширину на полунощие до Вятцкия, рече, земля и до Пермския, на полудние до половецких предел - все же то держава и область Киевская и Владимирская, по тех же ныне Московская. Живяху же за Камою рекою, в части земля своя болгарския князи и варвари, владеющие поганым языком черемским, не знающе бога и никого же закона имуще, обоима же бяху служаще и ¹²⁾ дани дающе Рускому царству до Батня царя ¹³⁾!"

В этом отрывке нельзя не ощутить чего-то знакомого. Русская земля до катастрофы была единой. Речь, как и в дошедшем отрывке Слова, идет о русской земле в целом, но, преимущественно, о земле Владимирской - о державе князей киевских, а затем Владимирских. Величие

---

12) В рукописи ошибочно - "Ни".

13) Казанская история... стр. 44

русской земли накануне катастрофы показано здесь с помощью того же приема - очерчивания ее огромных пределов. Правда, в данном месте "Казанской истории", в соответствии с главной темой, перечислены лишь те исконные русские владения, которые простирались на восток, были потом захвачены казанцами, а ныне снова возвращены Руси. Из четырех приволжских племен, названных в начальном отрывке Слова - болгары, буртасы, черемисы и мордва - здесь названы два крупнейших - болгары и черемисы. О приволжских народах (за исключением болгар) в Слове говорится, что они бортничали на Владимира Мономаха. Московскому книжнику XVI века этого показалось мало. Он написал, что черемисы, а также и болгары - то-есть все названные им - не только бортничали, но вообще служили и платили дань русскому царству.

Бросается в глаза и явная текстуальная близость отдельных выражений. Строчки "Казанской истории": "...все же то держава и область киевская и владимирская, по тех же ныне московская..." - являются перефразировкой совершенно аналогичного места в начале Слова: "...то все покорено было богом ... великому князю Всеволоду (владимирскому - Д.А.). отцу его Юрью, князю Киевскому, деду его Владимиру и Мана/ма/ху..." Прилагательное "поганый" и существительное "язык", поставленные рядом автором Слова, остались рядом и в соответствующих строках "Казанской истории", несмотря на то, что смысл фразы изменен: "...покорено.. христианскому языку поганьския страны..."; "...владеюще поганым языком черемиским..."

Теперь обратим внимание на то, что в другом месте, ведя речь о Новгороде, автор Казанской истории снова прибегает к приему автора Слова - с помощью перечисления подвластных народов очерчивает на этот раз западные пределы Руси: "Изначала и исперва едино царство и едино государство, едина держава Руская: и поляне и древляне, и новгородци, и полочане, и волыняне, и Подолье - то все едина Русь единому великому князю служажу, тому же и дани даваху и повиновахуся киивскому и владимирскому" 14).

Здесь чрезвычайно интересное отличие от Слова в перечислении народов. Автор Слова очерчивает западную границу русской земли извне, с помощью перечисления народов, лежащих за ее пределами, и до которых доходит Русь: "до угор... до ляхов... до чахов..." и т.д. Автор Казанской истории, очерчивает ту же территорию изнутри, называя народы, входящие в состав Руси и населяющие ее западные пограничные земли. Это отличие представляется не случайным, так как очень походит на сознательную замену. Все перечисленные территории так или иначе были спорными в тот момент Ливонской войны, когда писалась Казанская история. Так, в частности, в начале 70-х годов, в Москве происходили массовые казни виновных и подозреваемых в намерении отдать Новгород Польско-Литовскому государству, с которым воевал Иван Грозный. Полоцк, как известно, был предметом наиболее ожесточенных битв между воюющими сторонами. Характерно, что остальные перечисленные земли полян, древлян, волынян, и Подолье

---

14). Казанская история... стр. 54.

в древности действительно входили в русские пределы, но теперь, буквально накануне написания Казанской истории, были согласно Люблинской унии 1569 года, официально включены в состав враждебного Польско-Литовского государства. Вполне понятно, как важно было в разгар войны Польша и Литвой заменить описания пределов древней Руси с помощью внешних народов, описанием этих же ее исконных пределов перечислением самих русских владений, ставших в данное время предметом военного спора.

К сказанному остается добавить, что не только в самом начале Казанской истории, но и в конце ее, мы снова читаем строки перекликающиеся по содержанию и отчасти текстуально со Словом о погибели. Говоря о значении победы над Казанью автор пишет: "И стеснившаяся от супостат руския пределы на все страны разшири и продолжи их до край морских, и наполни безчисленными селенми людскими"¹⁵⁾.

Речь снова идет о тех широких пределах, которыми обладала Русская земля до нашествия татар, очерченных, как в начале Слова, так и в начале Казанской истории, и которые теперь восстановлены. Мы снова видим здесь и текстуальную близость со Словом. Если там говорится о "безчисленных городах великих, селах дивных"... , которыми "исполнена" русская земля, то и здесь сказано, что победитель Казани "наполни безчисленными селенми" отвоеванные русские земли.

Подводя итог, можно сделать твердый вывод: при написании своего рассказа о погибели земли русской в XIII веке,

---

15). Казанская история... стр. 176.

автор Казанской истории энергично, несколько раз использовал известное нам начало Слова о погибели. Правда, этот вывод еще не движет вперед наши поиски. В самом деле, автор Казанской истории мог знать тоже, что и мы - великолепный отрывок о прежнем величии Руси, помещенный в некоторых списках Жития Александра Невского, который он и пересказал.

Однако, писатель XII века не ограничился пересказом известного нам отрывка. Он продолжает краткий пересказ какого-то древнего повествования о разорении Батыем русской Владимирской земли.

Учитывая, что автор Казанской истории создавал ее как литературное произведение, старался украсить "красную... повесть" свою яркими художественными образами и постоянно обращался к предшествующим литературным памятникам, у нас есть основания надеяться, что и в данном случае он обратился именно к литературному источнику.

В первоначальной редакции Казанской истории¹⁶⁾, вслед за небольшим введением о величии русской земли, цитированном выше, и рассказом автора об обстоятельствах его пленения казанцами, от которых он, якобы, и слышал историю Казани, идет глава: "О войне Батыеве на Русь и о взятии великаго града Стольного Владимир^а, и о порабощении великих князей русских"¹⁷⁾.

---

16) Г.Н.Моисеева. Казанская история...Археографический обзор, стр. 27

17). Там же, стр. 44.

Далее следует рассказ о том, что Батый пленил Русскую землю, взял великий стольный и славный град Владимир, что великий князь Георгий Всеволодович погиб со всеми своими сновьями, и на владимирское княжение пришел из Новгорода Ярослав. В родном Владимире его взору представилась страшная картина: "Великий град Владимир погаными взят и весь начисто огнем попален и хитрая его здания вся разрушилася, и красота его (свя погибоша)". Ярослав горько расплакался. Затем он предал погребению всех погибших... "Осироте бо тогда и обнища великая наша Руская земля, и отъяся слава и честь ея..."

Затем говорится, что Ярослав вынужден был давать в Орду дани "изнеможение видя людей своих и конечныя ради погибели земли своея опустения"¹⁸⁾. Далее следует как бы историческая справка о том, что Русь "не во веки" платила дань татарам и, что власть Орды кончилась при великом князе Иван Васильевиче. От такой справки автор XVI века, естественно, не мог отказаться. Но после этого, необходимого ему отступления, он тотчас возвращается к повествованию "О великом князе Ярославе, и о поновлении русских градов от него, о о поучении его людям своим..."

---

18) Казанская история... стр. 45.

Итак, перед нами рассказ о величии русской земли до татар, родственной известному началу Слова, о самом их нашествии, о гибели великого князя Юрия, о печальном возвращении Ярослава на родное пепелище, о его великой скорби, о том, что он вынужден был платить дань татарам, ради "конечные...погибели земли русской", и как "поновлял" затем родную землю.

Рассказ этот не имеет, помимо упомянутых реальных имен, ничего общего с летописной повестью о нашествии Батюя. В нем есть все элементы, которые, на основании дошедшего начала Слова, можно предположить в его продолжении. Мы видим здесь даже буквальное выражение - "погибель земли". Вообще же слова, образованные от "гибнуть - гибель", встречаются в этом небольшом рассказе трижды¹⁹⁾.

К сожалению, автор Казанской истории дает лишь краткий пересказ древнего памятника своими словами. Поэтому, отсутствие здесь характерных ритмических и стилистических особенностей, присущих началу Слова, ни в малейшей степени не мешает предположению, что перед нами пересказ не только начала этого памятника, но и остальной недошедшей до нас части. Впрочем, забегая вперед, заметим, что когда по другим, более ранним источникам мы познакомимся уже не с пересказом, а с самим текстом Слова, то вернувшись к Казанской истории, обнаружим в ней прямые его следы. Сейчас нам было важно другое - выяснить что же содержится

---

19) Казанская история... стр. 45-46.

во внешнепоисном, литературном источнике о гибели Руси от татар, открывающемся известным нам описанием ее прежнего величия.

Выше уже говорилось о Степенной книге, как о сочинении, авторам которого Слово о гибели, утверждающее единство и величие дотатарской Руси, возглавляемой владимирскими князьями, должно было бы придти весьма по душе. Продолжим наши поиски, обратившись к этому памятнику.

В начале Степенной книги помещено родословие русских государей и княжеских родов. К этому родословию русских князей составитель дописал в качестве комментария: "От Рюрика начася державство в Новгороде. От Игоря же сына его в Киеве и до Всеволода Юрьевича державствоваху; от них вси страны трепетаху ближнии и дальнии; и сами гречестии цари вси повиновахуся им и дань даяху от моря до моря..." Уже здесь мы видим явный пересказ начала Слова. Только ближние и дальние народы трепетали не от имени одного Мономаха, а от всех вообще державных князей русских. И не один греческий царь Мануил, а все вообще греческие цари трепетали - спас имели" от них. Далее идет почти прямая цитата из Слова: "... Угрове, и Чахи и Цяхи и Ативяги и Литва и Немцы, и Чюдь, и Корела и Устюг, и обои болгары, буртасы и черкасы, мордва и черемиса; и самии Половцы дань даяху и мосты мостяху; Литва же тогда бояхуся их лесов выницати; Татарове же тогда ни слухом именованыхуся..."²⁰⁾

---

20) ПСРЛ, т. XX1, в 1, стр. 3-4.

Почти дословно, этот же текст мы находим дальше, в тексте Степенной книги под заголовком "Самодержец Ярослав" (степень седьмая).²¹⁾ Здесь также говорится о древних князьях русских... "како вси страны тренетаху имен их не токмо ближнии, но и дальние земли царства и самии гречестие царе и како повсюду бысть в Русстей земли православная вера христианская, иде же бысть всякия божественныя благодати исполнение и всего земного доброплодия изобилование, в них же не бяше тогда поганина. Чуду же присягаху и повиновахуся многия страны и дань даяху от моря и до моря: угорове и чахи, и ляхи и ятвяги, и Литва и Немцы, и Чудь, и Корела, и Устюг, и обои Болгары, и Буртасы, и Черкасы, и Мордва, и Черемиса; и самии Половцы дань даяху и мосты мостяху, Литва же тогда из лесов бояхуся выницати. Татары же тогда ни слухом не именованыхуся"²²⁾.

Мы видим, что в обоих случаях, когда составителям Степенной книги нужно сказать о величии Руси до татар, они, так же, как несколько лет спустя автор Казанской истории, говорят об этом языком Слова о погибели.

Сходство рассказов о татарском нашествии в Степенной книге и в Казанской истории далеко не ограничивается

---

21). Там же, стр. 254.

22). Там же, стр. 254. В диссертации Ю.К. Бегунова дан обзор литературы о следах Слова в Степенной книге. См. стр. 364-401.

наличием и там и здесь следов известного нам начального отрывка из Слова о погибели... И там и здесь рассказ о прошлом величии Руси находится в окружении элементов одного и того же повествования о разорении Владимира, о гибели великого князя Юрия, о приходе из Новгорода Ярослава, о его скорби на пепелище и над трупом брата, о "поновлении" им русских городов и утешении людей и, наконец, о поездке его в Орду и начале выплаты дани татарам. В обоих рассказах мы находим и дословно сходные выражения. Вот что рассказано о Ярославе:

В Степенной книге

"...По пленении же Батыеве всюду святые церкви и грады обновляя и люди разбегшаяся собирая..."²³⁾

"...прииде в землю свою честно и славно и многи припелельца утеша и множество людей собрал"²⁴⁾ "Ярослав Всеволодович прииде из Новгорода во град Владимир и очисти святые церкви от трупия мертвых, оставшая же люди собрав утеша"²⁵⁾.

В Казанской истории

"...Великому же князю Ярославу Всеволодовичу... проходя грады и села своя и населяше их жители и поновляше грады стенами, разоренныя от Батня, и посаждаше в них жители... и утешаше людей своих... и всячески утешаше их..."²⁶⁾

"... Ярослав Всеволодович от Великого Нова града пришед... и виде стольный свой великий град Владимир погаными взят."

23) Степенная книга, стр. 253.

24) Там же,

25) Там же, стр. 265

26) Казанская история...

стр. 46.

"... Ярослав Всеволодович
бысть в ... Орле, в пагубной
земле татарской... не терпя
зрети людей земли своя по-
гибающих душею и телом..."²⁸⁾

"В запустение предаде тогда
многия грады и места..."

... Бог хотя конечнаго за-
пустения..."²⁹⁾

и предаде всех земному погребе-
нию честне"²⁷⁾

"... И нача Ярослав Всеволодо-
вич... царю Батю в Златую Орду
дани давати и изнеможение ви-
дя людей своих и конечныя ра-
ди погибели земли своя апусте-
ние"³⁰⁾.

Столь очевидное сходство повествования о разгроме Руси Батмем и о деятельности Ярослава может породить предположение, что Казанская история пересказывает здесь Степенную книгу. Исключительно важно проверить - так это или нет. Если окажется, что названные памятники в этой части независимы один от другого - это будет означать, что оба они использовали для воссоздания картины татарского нашествия на владимирскую Русь один общий литературный источник.

Сравнительное изучение интересующих нас текстов полностью исключает предположение, что автор Казанской истории пересказывает повесть Степенной книги. Оказывается, что доловно совпа-

---

28) Там же, стр. 254.

29) Там же, стр. 262.

---

27) Там же, стр. 44-45.

30) Там же, стр. 45.

дающие места разбросаны в Степенной книге на больших расстояниях одно от другого и, при этом, в совершенно ином порядке. Если повествование о гибели русской земли в Казанской истории носит характер компактного, связного и хронологически последовательного рассказа, то в Степенной книге оно неоднократно разрывается, исторические события излагаются в обратном порядке — то, что происходило позже рассказано впереди.

Повествование о событиях XIII века в Казанской истории, как мы помним, развивается так: рассказ о величии русской земли до нашествия татар, приход Батюя, разорение Владимира, гибель великого князя Юрия, возвращения на пепелище Ярослава, который был в Новгороде, его скорбь, похороны убитых, краткое слово о том, как осиротела русская земля, и как "конечные ради гибели земли..." Ярослав вынужден был пойти в Орду и начал платить дань, как он отстраивал города, собирал и утешал русских людей³¹⁾. Мы видим здесь "железный" сюжет, связанный рассказ о событиях, соблюдающий историческую последовательность.

В Степенной книге элементы того же рассказа расположены иначе: Слова о величии русской земли, с перечислением подвластных ей народов читаем отдельно в самом начале Степенной книги, вслед за родословием³²⁾, то-есть вне связи с "погибелью", и снова, в главе 1, седьмой степени, где речь

---

31) Казанская история... стр. 44-46.

32) Степенная книга. ПСРЛ, т.21, ч.1-я, СПб, 1908, стр. 3-4.

идет о Батневых временах ³³⁾. Здесь, однако, слова о величии земли русской расположены не перед "Батневой ратью", а после нее, в составе рассказа о князе Ярославe, который отправился в Орду, "вспоминая начальнейше / отеческое благородие и богом дарованное им скипетродержание, и како все отрани трепетаху имен их"... и далее известный текст.

История

Как видим, по отношению к исторической последовательности и, соответственно, к рассказу Каванской истории, здесь расположение прямо обратное. Только в главе 4 составители возвращаются к татарскому нашествию, объясняя его гневом божьим за усобицы на Руси ³⁴⁾.

Наконец, еще дальше, в главах 9-12 подробно рассказывается о нашествии Батны ~~36)~~. Здесь говорится о взятии Владимира, снова о том, что Ярослав спаялся в Новгороде, о гибели великого князя Юрия, об обретении его мощей, снова о Ярославе, утешающем людей и о том, как он с честью похоронил брата. ³⁵⁾

Трудно представить себе, чтобы автор Каванской истории окомпановал овой расоказ, выдергивая отдельные куски повествования Степенной книги и располагая их в другом порядке. Окончательно исключают такое допущение следующие соображения. Сходные по содержанию места обоих памятников сами по себе образуют стройный, логически неразрывный рас-

33) Там же, стр. 254

34) Степенная книга... стр. 258-259.

35) Там же, стр. 262-265.

сказ. В Казанской истории этот рассказ, о событиях XIII века, нередко прерывается отступлениями всегда одного и того же типа: о том, как развивались события дальше. Если сказано, например, что Русь начала платить татарам дань, тут же добавлено - "но не во веки" ³⁶⁾. Дана справка, что при великом князе Иване Васильевиче вообще перестали платить дань. В Степенной книге, в промежутки между сходными с Казанской историей местами попадают огромные куски из летописей и других источников, но в рассказ Казанской истории не попало ничего из этих многочисленных и больших по объему кусков.

Составители обоих памятников, описывая одни и те же эпизоды, обратили преимущественное внимание на разные моменты. Так, например, в Казанской истории об ужасах татарского погрома сказано конспективно, в Степенной книге мы читаем замечательный по художественной силе рассказ об этом. С другой стороны в Степенной книге только сказано про пляч Ярославца над телами погибшей братии ³⁷⁾, но самого плача нет, в то время, как в Казанской истории Ярославов пляч пересказан подробно. ³⁸⁾ В Степенной книге есть, зато, заголовок: "Пляч и страдание великого князя Георгия Всеволодовича и прочих с ним" ³⁹⁾.

36) Казанская история... стр. 45

37) Степенная книга... стр. 265

38) Казанская история... стр. 44-45

39) Степенная книга... стр. 262-263.

Только привыкнув в лихой манере "кройки и шитья", характерной для составителей Степенной книги, мы не станем удивляться, что началом плача Юрия, здесь служит начало плача его брата Ярослава по нем самом.

Плач Ярослава в Казанской истории:

Плач Юрия в Степенной книге:

"Господи, вседержителю... сме ли угодно твоему человеколюбю..." 40)

"О Владыко, Господи боже вседержителю! Сице ли угодно Твоему человеколюбю..." 41)

Дальше тексты плачей в основном расходятся, так как Юрий и Ярослав скорбят о разном. Юрию, например, еще рано было восклицать - "И всех людей твоих острия меча поравиша" - так как он молится накануне битвы. Зато Ярослав не мог скорбеть, как это делает Юрий, о своей супруге и чадах, поскольку они не пострадали. Наряду с этим в плачах сохраняются отдельные общие элементы.

Казанская история

Степенная книга

"И остах аз един"... 42)

"И почто един аз остах"... 43)

Какой же из этих двух плачей первичный, а какой вторичный, сделан ли плач Юрия из плача Ярослава, или наоборот? Ответ на этот вопрос напрашивается при самом беглом ознакомлении с обоими текстами. Плач Ярослава является органической со-

40) Казанская история... стр. 45
41) Степенная книга... стр. 264
42) Там же
43) Там же

ставной частью рассказа о гибели Руои. Ярослав скорбит на пепелище родного столярного града Владимира, над трупом брата - великого князя Юрия, в момент полного поражения и разгрома. Юрий же плачет, окруженный своими окновьями, воеводами и воинами. Канун решающей битвы не очень подходящий момент для плача и вопля отчаяния: "един аз остах смирен и посрамлен".

Если плач Ярослава проникнут содержанием - описанием ужасного несчастья, постигшего его родину, то плач Юрия, в основном бессодержателен и состоит исключительно из одних обращений богу - хвалы и просьб. Плач Ярослава относится к совершенно конкретным событиям, здесь же читаем молитву, вполне годную на разные случаи. Историки, составители Степенной книги перед словами Юрия поставили подзаголовок "молитва" ⁴⁴⁾. Сопоставление заголовка главы - "Плач... великого князя Георгия Всеволодовича..." ⁴⁵⁾ с этим подзаголовком наглядно показывает, что произошло: был взят плач и переделан в молитву.

Забегая вперед, скажу, что текот плача Ярослава пересказанный Казанской историей встретится нам и, притом, не один раз, в более ранних источниках.

Итак, плач Юрия переделан составителями Степенной книги из плача Ярослава. Но Степенная книга писалась раньше Казанской истории и, следовательно, взяла свой образец не из нее. Теперь мы уже с полной уверенностью можем сделать

44) Степенная книга... стр. 264

45) Там же

История
о
Слове
 важный для нас вывод: составители Степенной книги и автор Казанской истории, для описания разгрома Владимирской Руси татарами обращались к одному и тому же литературному источнику. Этот источник включал в себя, в качестве органической составной части, дошедший до нас начальный отрывок "Слова о погибели". Этот источник по содержанию является ни чем иным, как рассказом о погибели русокой, владимирокой земли от татарского нашествия. Заключение в нем содержание полностью согласуется с той схемой, которая с очевидностью вытекает из дошедшего до нас начала "Слова". Этот источник, следовательно, является ни чем иным, как "Словом о погибели русокия земли". Дальнейшее исследование воесторонне укрепит этот вывод.

Различие метода изложения между Казанской историей и Степенной книгой состоит не только в том, что автор первого памятника в основном, компактно пересказывает свой источник, а составители второго перемежают его с многочисленными другими. Разница подхода к материалу состоит так же в том, что Казанская история пересказывает древние источники своими словами, хотя, подчас, сохраняет дословные выражения оригинала, в то время как Степенная книга свои источники обильно цитирует. Благодаря этому, мы можем выделить в Степенной книге целые куски ее оригиналов и, в частности, можем выделить теперь подлинные, или близкие к подлинным части текста "Слова". Таковыми являются все места, сходные с соответствующим рассказом Казанской истории. Кроме того целый ряд мест, посвященных сюжету "Слова" повторен почти до-

словно в равных местах Степенной книги (перечисление народов, слова о восстановительной деятельности Ярослав и т.д.) Это указывает на то, что текст "Слова" лежал перед составителями и они пользовались им при написании равных глав. Не исключена возможность, что равные главы писались равными людьми, в распоряжении которых были одни и те же источники. Этим можно объяснить почему дословно сходные цитаты из "Слова" повторяются иногда по различным поводам одна рядом с другой. Кроме того в Степенной книге мы читаем большой отрывок из "Слова" - описание Батыева нашествия на Русь, которое в Чаванской истории пересказано кратко. Приведем его целиком:

"Велико зло от него сотворися множеству Руськаго языка. Матери обезчадотвовашеся и сосыци их млечнии источники уставивша, вместо же тех слезныя струя от очию ниввозпахуся, видяще младенца своя на земли повержени и мягкая их *уада* коньскими ногами стрираемы. И кто может словом сказать болезни их утробныя и ины неисчетныя напасти? Чертожьница повлачимя и всюду обводимы, девы растлеваемы, онглитския женны, иже никогда руками своима работному делу казахуся, но рабом своим повелеваху преже, последи же сами повелеваемы варварскими женами, работну игу выю прекланяюще, огня возжигающе, с черпалом рыдуди, источники обходящи и воду носящи, трапезе предстоящи и хранину пометающе. Иногда быша горды, тогда же работою склячены смиришася. Иже иногда златыми монисты и свидяними красящася, тогда же рубищи раздраны оболченны, боги же и *альчины*.

присно. Священныя девы нудимы и обругаемы, мужие жен разлучаемы, чада родителю лишаемы, юноша в плен ведомы, юныя же и старьцы мечи пронизаемы, храбрныя же и князи оружием падающе, священницы же в жертвенницах закалаемы. Земля Руськая очервленна кровию, реками льющею от телес, воды смешаемы с кровию. Умилен позор весь странно видети: мужие, яко снопы в день жатвы повержены, телеса раздроблены, смешашася священныя муж и девицы, и не бе кто погребая их. Враном же и псом пища паче предлагаема. Воплаче во градех, рыданья на улицах, плачеве в домех! Повсюду стонание, страх на распутьях! Вои ужасошася, и немоща, ниже бегством свое спасение кто можахе умислити, истаяше печальми, яко сетью полченны. Всюду беды, яже ни слово может представи. Тогда же мнози мученическими венцы от Бога увязошася" 46)

Возможно, что в этом великолепном и единственном в своем роде описании ужаса монгольского погрома Руси не все чисто от вмешательства переписчика и редактора XVII века. Однако здесь мы все же находим то, что было утрачено в пересказе автора Казанской истории - характерный ритм "Слова о погибели", - перечисление однородных членов, заключаемое обобщающей фразой:

"Священныя девы нудимы и обругаемы, мужие жен разлучаемы, чада родителю лишаемы, юноша в плен ведомы, юныя же и старьцы мечи пронизаемы, храбрныя же и князи оружием падающе, священницы же в жертвенницах закалаемы - земля рус-

46)

Степенная книга... стр. 262-263.

окая очервлена кровию, реками льющия от телес, воды смешаемы о кровью".

Мы видим и то замечательное художественное мастерство, которым отмечен этот рассказ, явившийся источником для Казанской истории и Степенной книги. Теперь становится понятным обращение авторов XVI века именно к этому произведению, когда им понадобились яркие краски для воссоздаваемой ими картины татарского нашествия.

В источниках XVI века мы еще раз находим дословный отрывок известного нам рассказа о разгроме Владимирской Руси татарами.

В Никоновской летописи, под 1238 годом, в обычное летописное повествование о нашествии татар, вкраплен небольшой абзац о Ярославе, сходный с соответствующими, совпадающими и между собой, местами Степенной книги и Казанской истории.

"Тогда князь велики Ярослав Всеволодович очисти святыя церкви от трупа мертвых, оставшиа же люди собрав утеша" ⁴⁷⁾.

Известно, что Никоновская летопись составлялась раньше Степенной книги и тем более Казанской истории и, следовательно, эти слова попали в нее не из этих сочинений. С другой стороны, в названные памятники эта фраза попала не из Никоновской летописи, а в составе большого рассказа, других следов которого в Никоновской летописи нет.

Таким образом, мы устанавливаем еще один, уже третий случай отражения в источнике XVI века летописного рассказа о разгроме Владимирской Руси татарами и о деятельности Яро-

⁴⁷⁾ ПСРЛ, т. 10, СПб, 1865, стр. 113.

слава Всеволодовича. Рассказ этот, по всем признакам, является продолжением, дошедшего до нас начального отрывка "Слова".

Расставляя с источниками XVI века, подведем итог того, что они дали нам в наших поисках. Прежде всего они помогли создать прочное представление о содержании "Слова". Как и предполагалось, на основании начального отрывка, "Слово" посвящено описанию "погибели" именно Владимирокой земли, представлявшей для его автора и всю Русскую землю в целом. Кончается "Слово" описанием возрождения русских городов, "утешения людей" Ярославом, и оправданием того, что он стал платить татарам дань, "конечныя ради погибели земли своєю..."

Кроме того, мы теперь знаем ряд дословных или близких к дословности отрывков из "Слова".

Все это поможет нам безошибочно опознавать тексты, выявленные из "Слова о погибели", несмотря на то, что цитируемый, вернее использованный памятник не будет назван. Рассчитывать на какие либо ссылки древних писателей на свой оригинал, естественно, не приходится. Подобно тому, как владельцу вещи мало обнаружить ее в чужих руках, чтобы получить обратно, а надо сначала доказать, что она действительно принадлежит ему - так и нам, вместо того, чтобы сразу показать - вот "Слово о погибели руския земли"!, пришлось довольно сложным и долгим способом устанавливать целый ряд его безусловных отличительных признаков. Теперь, зато, поиски облегчены. Мы просто будем опознавать "наши" тексты и извлекать их из тех памятников, которые их до сих пор скрывали, с помощью про-

стейшего приема — механической подстановки других имен и географических названий в зависимости от потребностей каждого данного случая.

х х х

В науке хорошо известен цикл Рязанских повестей, связанных с иконой Николая Заравского.

"Свод" заравских повестей — пишет последний его исследователь Д.С.Лихачев — по-своему составу весьма разнотипен и неравноценен: местная легенда сочетается в нем с воинской повестью, литературная переработка эпических сказаний — с типичным рассказом о чуде от иконы" 48).

В состав этого неравноценного и разновременного по происхождению своих частей "Свода", входит повесть о разорении Рязани Батнем. Она, "по единодушному мнению исследователей древней русской литературы, принадлежит к лучшим после Слова о полку Игореве произведениям древней русской литературы" 49). Д.С.Лихачев отмечает старую, еще домонгольскую воинскую, дружинную фразеологию этого произведения и "неоднократно обрадававшую на себя внимание архаическую декорику повести" 50). Напомним, что повесть о разорении Рязани Батнем сама по себе очень неравноценна в своих частях. Она ^{м.ш.}скопирована из летописных выписок, религиозных сентенций,

48) Д.С.Лихачев. Повести о Николае Заравском (текст) ТОДРЛ, т. VII, М.-Л., 1949, стр. 258.

49) Там же.

50) Там же, стр. 260.

литературных обработок местного эпоса и предшествующих литературных памятников. Высокой художественностью и архаичностью лексика отмечены, в основном, лишь отдельные, правда большие куски, вошедшие в ее состав. Эти включения ярко выделяющиеся в тексте повести являются ничем иным, как частями уже известного нам рассказа о гибели Владимирской земли от татарского нашествия. Рязанский сводчик механически, с помощью простой замены имен и географических названий, перенес основные элементы его на Рязанскую почву. Об этом свидетельствует и лексика и фразеология рассказа, совпадающие с лексикой и фразеологией соответствующего рассказа Степенной книги и, даже пересказа Каванской истории. Об этом свидетельствует полное совпадение самого содержания этих включений с упомянутыми рассказами, их полное соответствие событиям, происшедшим во Владимирской Руси и несоответствие реально-историческим событиям, имевшим место в Рязанском княжестве. Наконец, когда мы рассмотрим те высокие художественные особенности повести, которые так пленяли всегда ее исследователей, мы увидим ту же художественную манеру, что и в дошедшем до нас начальном отрывке "Слова о гибели русская земли".

Попробуем указать на те включения, которые по содержанию имеют явно не рязанское происхождение и отражают события, происходившие во Владимирской Руси. Повторяю, что отнюдь не весь рассказ о нашествии Батия на Рязань является заимствованием владимирского сюжета. К числу заимствований безусловно не относятся выписки из летописей о рязанских

событиях, собственно рязанские оказания, в частности, связанные с иконой и храмом Николая Заравского. Мы пока оставляем в стороне и эпический рассказ о подвиге Евпатия Коловрата, так как не имеем никаких отражений его во владимирских, или других не рязанских источниках и следовательно не имеем оснований переносить его куда либо с рязанской почвы. Зато рассказ о битве рязанского великого князя Юрия Игоревича с батневой ратью у границ рязанской земли, к действительности отношения не имеет. "Из летописей известно, что Юрий Игоревич был убит при взятии города Рязани" - справедливо пишет историк рязанского княжества Д.Иловайский 51). Там же приведены интересные данные из Рашид Эддина, мусульманского историка, наиболее подробно описавшего батнев поход. Рашид Эддин, в полном согласии с русскими летописями, утверждает, что Батый без боя подступил к Рязани 52). Не случайно рязанский компилятор не написал где произошла знаменитая битва - случай совершенно небывалый при описании реальных битв, тем более такого значения. Он не напрасно написал глупо: "И поидоша против нечестивого царя Батия, и стретоша его близ предел рязанских" 53).

51) Д.Иловайский, История Рязанского княжества, М., 1858, стр.130,131 и примеч.125.

52) Там же, примеч.125.

53) Здесь и дальше текст повести будет цитироваться по публикации Д.С.Лихачева, Повести о Николае Заравском... стр.290.

Не случайно так же князья участники битвы либо вымышлены компилятором вроде Глеба Коломенского, либо неверно причислены к братьям рязанского князя, вроде Кира Михайлы Пронюкого и Олега Красного⁵⁴⁾. Иначе говоря, перечень князей участников якобы происшедшей битвы, создан компилятором искусственно. Все эти обстоятельства указывают на то, что битва Юрия Игоревича у "приделов" Рязанской земли является переделкой на рязанский лад вполне реального рассказа о битве Юрия Всеволодовича Владимирокого с татарами у "приделов" Владимирской земли.

Рассказ о возвращении на родное пепелище, уцелевшего в дальнем крае Владимирокого князя Ярослава, рязанский оводчик полностью и со всеми известными нам подробностями перенес в свое повествование. Он только подставил вместо имени Ярослава Всеволодовича имя вымышленного рязанского князя Ингваря Ингваревича. Подобно тому, как Ярослав уцелел от погрома Владимира, находясь в Новгороде, Ингварь Ингваревич уцелел в Чернигове. Ярослав плачет над погибшей братией и хоронит павших; то же делает и Ингварь Ингваревич. Как и Ярослав во Владимирокой земле он отстраивает ~~многие~~ города, селения, храмы в рязанской. Как и Ярослав он собирает и утешает людей. Разница состоит лишь в том, что в основе рассказа о Ярославе лежат исторические события, а в основе рязанского повествования, лежит предшествующий ему литературный памятник - именно этот самый владимирокий рассказ.

54) Д.С. Лихачев, Повести о Николе Заравском... 296-297

Бросается в глаза фразеологическая и лексическая близость рязанского рассказа с известными нам московскими повествованиями XVI века. Она не оставляет сомнения в общности их источника:

Повесть о разворении Рязани Батнем. (Об Ингваре Ингвариче)	Каванская история (О Ярославе Всеволодовиче)	Степенная книга (О Ярославе Всеволодовиче)
--	--	--

I

2

3

"Князь Ингварь Ингварич в то время был в Чернигове... богом соблюден... И прииде из Чернигова в землю Рязанскую во свою отчину и виде ее пусты и услыша, что братья его все поблены и видя град разорен... церкви позжены и все узорочье в казне Черниговской и рязанской взято" 55)

55) Д.С. Лихачев, Повести о Николае Заравском... стр. 295.

"по взятии... великаго, стоянаго и олавнаго града рускаго Владимира и со всеми его благими узорочьи... Ярослав Всеволодич от Великаго Нова града пришед... И егда прииде оттуду... и виде стольный свой великий град Владимир поганничи взят и весь начисто огнем попален и хитрая его здания вся разрушишеса и красота его вся погибша и брата своего, великаго князя Георга Всеволодича убита 56).

56) Каванская история... стр. 44-45.

"Великий князь Яро-слав... в Новогороде богосохранен бысть..." 57)

57) Степенная книга... стр. 263.

I	2	3
"Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грех ради наших" 58)	"... и немощение видя людей своих и конечныя ради погибели земли своей опустения" 59)	"... Преподобный бог хотя конечнаго запустения..." 60)
"... земля рязанская изменися доброта ея, и отиде слава ея" 61)	"... обнища великая нша Руская земля и отьяся слава и честь ея" 62)	
"Про что аз преже вас не умрох?" 63)	"И остах аз един, и ищут мене поглатити" 65)	
"... Почто аз не преже вас умрох, да бых не видел смерти вашей, а своя погибели..." 64)		
"... Князь Ингварь Ингоревич начава разбирати трупие мертвых... и похраняше их честно..." 66)	"И предаде всех земному погребению честно" 67)	"Очисти святныя церкви от трупия мертвых" 68)
58) Там же	59) Там же, стр. 45	60) Там же, стр. 262
61) Там же, стр. 296	62) Там же, стр. 45	
63) Там же, стр. 297		
64) Там же, стр. 298	65) Там же, стр. 45	
66) Там же, стр. 299	67) Там же, стр. 45	68) Там же, стр. 265

1
: "И obnovи землю Рязанскую и церкви постави, и манастири согради и пришельцы утеша и люди собра" 69)

2
: "Ярославу Всеволодичу... проходяще грады и села своя и населяше их жители, и поновляше грады стенами... и посаждаше в них жители... И утешаша людей своих..." 70)

3
: "... прииде в землю :
... и многи пришельца утеша и множество людей собра..." 71)
"... оставшая же люди собрав утеша" 72)
"... всюду святая церкви и грады обновляя и люди разбегшаяся собирая" 73)

Общность источника всех трех этих повествований очевидна как из общности содержания рассказа так и из явных лексико-фразеологических совпадений.

Мне кажется, никому не придет в голову предположить, что в основе этих повествований лежит повесть о разорении Рязани, которую московские книжники в XVI веке переделывали на владимирский лад. Слишком очевидно, что дело обстояло наоборот, что древний рассказ о Владимирских событиях был использован составителем цикла рязанских повестей и переделан в рассказ о событиях рязанских. Однако, на всякий случай, напомним почему это безусловно так, а не иначе.

69) Там же, стр. 301

70) Там же, стр. 46

71) Там же, стр. 253

72) Там же, стр. 265

73) Там же, стр. 253

Выше уже говорилось, что события описанные в этом рассказе действительно имели место во владимирской Руси, но не имели места в рязанском княжестве. Одно это достаточно ясно указывает на владимирское происхождение рассказа. Кроме того компилятор рязанского повествования об Ингваре Ингваревиче оставил нам прямые указания на то, что он конструировал свой рассказ о якобы рязанских событиях из владимирских источников. Выше уже говорилось, что помимо изучаемого нами литературного источника, им были использованы еще и летописные известия. Так вот свою повесть о мифическом Ингваре Ингваревиче, переделанную из литературного повествования о Ярославле Всеволодовиче, он включает словами суздальской летописи о том же Ярославле:

Окончание рассказа об Ингваре Ингваревиче в повести о разорении Рязани (Цикл повестей о Николае Заравском):

"...сяде на столе отца своего великаго князя Ингоря Святославича... И бысть радость христианом, их же избави боу рукоу своею крепкою от безбожнаго вловерного царя Ватя" 74)

74) Д.С.Лихачев, Повести о Николае Заравском... стр.301.

Известие Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку под 1238 годом о Ярославле Всеволодовиче владимирском:

"... седе на столе в Володимери. И бысть радость велика христианом ихже избави боу рукоу своею крепкою от безбожных татар" 75)

75) ПСРЛ, т.1, в.2, л.. 1927, стб.467.

Ввиду ясности вопроса нет необходимости приводить другие аналогичные примеры. Мы теперь ясно видим, что рязанский компилятор XV века хорошо знал, что его Ингварь Ингорович великий князь рязанский, никто иной, как Ярослав Всеволодович Владимирский, переведенный по его воле, в Рязань. Вместе с ним на рязанскую "службу" перекочевали великий князь Юрий Всеволодович, получивший имя Юрия Ингорича, да и вообще все основные события, связанные с погибелью Владимирской земли от татар. Источниками создания этой рязанской компиляции послужили известия о татароком нашествии владими́ро-суздальских летописей, а так же владими́рокое литературное произведение, посвященное этой теме.

К сожалению исследователи, начиная с Н.М.Карамзина потратили много усилий, чтобы разобраться в генеалогии рязанских князей, безнадежно запутанной в рассматриваемой повести ⁷⁶⁾. Как пишет Д.С.Лихачев - "попытки разобраться в генеалогии рязанских князей в повестях о Николе Заравском - пока что не привели к общепризнанным результатам" ⁷⁷⁾. Это вполне естественно. Выяснение действительной генеалогии рязанских князей, фигурирующих в повести о разворении Рязани Батыем было напрасным трудом. Их происхождение носит лите-

⁷⁶⁾ Н.М.Карамзин. ИРР, т. III, гл. VIII, примеч. 358; А.В. Экземпларский, Великие удельные князья Северной Руси, т. II, стр. 570-572; Д.И. Иловайский, История Рязанского княжества, 1858; стр. 132-136.

⁷⁷⁾ Д.С.Лихачев, Повести о Николе Заравском... стр. 260.

ратурный характер и выясняется путем определения генеалогии самой данной повести 78).

Итак, повесть о разорении Рязани была скомпилирована как из рязанских, так, в еще большей мере, из владимирских источников. При этом были использованы два вида владимирских источников: а) известия владими́ро-суздальских летописей, б) литературный памятник о гибели русской, владимирской земли. Этот памятник нам уже частично известен по источникам XVI века. Напомню, что и в Степенной книге и в Казанской истории фрагменты этого памятника находятся рядом с цитатой (в первом случае) и пересказом (во втором) дошедшего до нас начального отрывка "Слова о гибели руския земли". На этом основании, я прихожу к выводу, что рассказы Степенной книги и Казанской истории использовали именно этот памятник, сохранив тем самым для нас отдельные его элементы и давая представление о его содержании в целом.

Установив, что рязанский сводчик XV века, использовал для своей повести о разорении Рязани тот же рассказ, необходимо выяснить не отразилось ли и здесь дошедшее до нас начало "Слова". Понятно, сколь большое значение имело бы обна-

78) Д.С. Лихачев близко подошел к решению вопроса о рязанских князьях. Он полагал, что "в основе генеалогии повестей о Никоде Заравском можно усматривать характерное для художественной литературы пересмысление родственных отношений вызванное желанием создать свои, отвечающие литературным требованиям генеалогические комбинации с целью подчеркнуть трагизм событий". См. Повести о Никоде Заравском... стр. 261.

румение хотя бы мельчайших отворотов этого начального штриха. Трехкратное соседство элементов одного и того же рассказа с элементами начала "Слова" в равных произведениях равных веков, окончательно докажет, что этот рассказ и является "Словом о погубеи". К счастью, рязанский патриот XV века не мог удержаться от того, чтобы не приписать роду рязанских князей того предельного могущества и силы о котором, в отношении владимирских князей было написано в его оригинале. Чувство меры, правда, не позволило ему без изменений списать в похвалу рязанским князьям то, что было сказано о владимирских. Не мог он, например, прямо написать, что огромная территория от Угор до мордвы была покорена рязанскими князьями; или, что немцы радовались, ^{тому} что море убергает их от мощи рязанских князей. Совсем невозможно было рязанцу XV века написать, что Литва боялась рязанских князей, да и вообще упоминать про Литву в контексте прославляющем их патриотизм. Это неизбежно вызвало бы нежелательные здесь воспоминания о союзах рязанских князей с Литвой против московских (то-есть тех же владимирских) князей. В этой связи достаточно вспомнить троюсторонний союз - Мамай, Олега рязанского и Ягайды Литовского против Москвы во времена Куликовской битвы.

По всем этим соображениям рязанский сводчик написал о рязанских князьях в общем виде: "Гатним во бранех страшения ивляшеса, многие враги, востающы на них победаша и во всех странах славна имя имяна" 79).

79) Повесть о Николе Заравском... стр.301.

Эти общие слова, сами по себе, еще не могли бы свидетельствовать о том, что они являются кратким пересказом начальных строк "Слова" о киевских и владимирских князьях. Однако их соседство со следующей фразой достаточно ясно на это указывает: "По греческим царем велику любовь имуща и дары у них многи взимаша" 80).

Здесь мы видим обобщенный пересказ выражения "Слова": "и жор Маноуил царегородский, опас имея, по е и великия дары посылана к нему" 81) (то-есть к Мономаху. Д.А.).

Интересно, что пересказ того же места "Слова" в Степенной книге очень похож на пересказ в Повести о Николе Заразском:

Повесть о разорении Рязани в цикле повестей о Николе Заразском:

"Ратным во бранех страшенна ивяшеса, многие враги востаючи на них побешаша, и во всех странах олавна имя имяша. По греческим царям велику любовь имуща и дары у них многи взимаша" 82)

Степенная книга.

"... Все страны трепетаху имен их не токмо ближнии, но и дальние земли царства и сами гречестие цари..." 83)

80) Там же

81) Д.К. Бегунов, диссертация, приложение, стр. 4.

82) Повести о Николе Заразском... стр. 301.

83) Степенная книга, стр. 254.

пересказ

Не забудем, что, сразу же за приведенными словами, в Степенной книге следует прямая *цитата* из начального отрывка "Слова" - перечень народов, имеющийся там - "угрове и чакх и ляхи, и ятвяги, и Литва"... и т.д. ⁸⁴⁾.

Таким образом мы имеем теперь уже три равных независимых друг от друга источника, где использован один и тот же рассказ о разгроме Владимирокой земли, о гибели великого князя Юрия и о восстановлении ее новым великим князем Ярославом. При этом, во всех трех случаях налицо, отражение, в составе именно данного рассказа, начального отрывка "Слова".

Добавим к этому, что в тех двух списках, по которым мы знаем начало "Слова, оно тоже недалеко отошло от Ярослава Всеволодовича. Оно использовано там как начало жития его сына - Александра Ярославича Невского.

Если, к тому же, вспомнить о высоких художественных достоинствах этого рассказа, сохраненного повестью о разорении Рязани, остаточные сомнения в том, что этот рассказ и есть "Слово о погибели руския земли" должны отпасть.

Огромная художественная высота этого произведения привлекала неизменное внимание писателей всех веков, черпавших из него несравненные по силе картины гибели русских городов и земель от жестоких татарских погромов и описания глубокой скорби оставшихся в живых по убитым родичам.

В тексте повести сохранилось немало великолепных отрывков из "Слова о погибели", которые помогут нам при рекон-

⁸⁴⁾ Там же, стр. 254.

струкция текота этого замечательного памятника. Приведу некоторые из них.

Описание поля сражения, на котором лежат убитые русские воины - "лежаша на земле пугте, на траве ковыле, снегом и ледом померзша, никим брегома. От зверей телеса их онедаема, и от множества птиц растерзаемо. Все бо лежаша, купно умрша, едину чашу пиша смертнующу..." 85)

Плач Ингвара Ингваревича (=Ярослава Всеволодовича) по убитой братии: "Солнце мое драгое, рано заходящее, месяци краснии скоро изгибли есте; звезды восточные, почто рано зашли есте! Лежите на земле пугте... чести - славы ни от кого приемлемо! Изменися бо слава ваша. Где господство ваше. Многим землям государи быша есте, а ныне лежите на земле пугте, зрак лица вашего изменися во истлении... О милая моя братия и дружина ласкова, уже не повеселюся о вами!... О земля, о земля, о дубравы поплачите со мною"... 86

Далее идут слова автора: "Како нареку день той, или како воспию его - в он же погибе толико великих господарей и многие уворочье резанское (читай владимирское. Д.А.) храбрый удалцев. Ни один от них возвратися вспять, но вси равно умрша, едину чашу смертнующу пиша. Се бо в горечи души моея явник мой связается, уста загражаются, зрак опустевает, крепость занемогает" 87).

85) Повести о Николѣ Заравоком.... стр. 297.

86) Там же, стр. 298.

87) Там же.

Мы видим тут ряд повторений, например, о единой смертной чаше. Их немало. Рязанский компилятор по несколько раз повторял отдельные, понравившиеся ему выражения оригинала. С другой стороны, он, несомненно, еще и "улучшал" текст от себя, добавляя, например, немало религиозных словес и оборотов.

Естественно, что, при реконструкции текста "Слова", все подобные "улучшения" должны быть по возможности выявлены и устранены. В этом окажут помощь другие источники, авторы которых так же обратились к "Слову" и заимствовали из него примерно те же отрывки.

На этот раз мы будем иметь ^{сцену} с москвичами, писавшими в конце XIV-го или в начале XV века.

Составитель рассказа о нашествии хана Тохтамыша на Москву в 1482 году, описывая разорение града, так же воспользовался крапчатой картиной гибели города Владимира из "Слова". На этот раз, вместо слов - "Владимир" и "земля владими́рокая", он соответственно подставил название "Москва", "московская". Заимствуя из "Слова" те же отрывки, что и рязанская повесть, московский писатель безусловно точнее передает древний текст, чем его рязанский собрат по перу.

Повесть о разворении Рязани в 1238 году: : Рассказ о разворении Москвы в 1382 году:

"Сия бо град Рязань и земля Рязанская именована... и не бо в ней ничто благо видети - токмо дым и пепел, а церкви все погореша..." 88)

"И бляше дотеле преже видети быша Москва град велик, град чуден, град многочиселен, в нем же множество людъи в нем же множество огосподства, в нем же множество всякого уворочья; и пакы в едином часе изменися видение его, егда ввят бнсть и посечен и пожжен и нечего его видети, разве токмо земля и пероть прах, пепел, трупья мертвых много лежаще и святныя церкви стояще аки роворены, аки осиротевше, аки овдовевши" 89)

Не трудно видеть, что московский писатель передал оригинал с большей точностью, чем рязанский. Последний не только сильно его сократил, но и изменил характер образа. Когда говорится применительно к городу, что ничего в нем не стало видно, кроме дыма и пепла - это вполне реалистический образ, в основе которого может лежать картина, запомнившаяся очевидцу. Когда тоже самое говорится и о дан-

88) Повести о Николе Заравском....стр.296

89) ПСРЛ, т.4, ч.1, в. 2, Л.,1935, стр.336

ном городе (Рязани) и одновременно обо всей земле - это уже абстрагированное от реально видимого обобщение, гиперболы. В рязанском переложении утрачен и столь характерный для "Слова" ритм, достигаемый нагнетением однородных слов.

Роль Ярослава Всеволодовича, возвратившегося во Владимир из Новгорода (Казанская история, Степенная книга, Сказание о владимирской иконе божьей матери, фраза в Никоновской летописи - см. выше) и Ингвара Ингваревича (Повести о Николе Заравском), передана здесь Дмитрию Донскому и Владимиру Андреевичу. Возвратившись в Москву они увидели страшную картину разорения. Эта картина нам уже знакома.

Повесть о разорении
Рязани:

"...И прииде во град Рязань и видя град разорен и множество много мертвых лежаща и град разорен, церкви повжены и все узорочье вято" 90)

90) Повести о Николе Заравском... стр.295

Казанская история:

"И егда прииде оттуду ... и виде стольный свой великий град Владимир погаными взят и весь начисто огнем попален и хитрая его здания вся разрушишася и красота его вся погибша" 91)

91) Казанская история... стр.44-45.

Рассказ о взятии
Москвы Тохтамышем:

"... въехаста в... град Москву, и видеша град взят и пленен и гнем пожжен и святых церкви разорены, а люди побитых трупья мертвых без числа лежащих..." 92)

92) ПСРЛ, т.4, в.2, л. 1925, стр.338.

Московский писатель так увлекся выписыванием из произведения XIII века, посвященного городу Владимиру, что переписал в свой рассказ явно не подходящую фразу: "Не токмо же единая Москва ваята бысть тогда, но и прочии гради и страны пленени быша" ⁹³⁾. Поход Тохтамыша на Москву в 1382 году не сопровождался разгромом и покорением многих городов и земель ("стран"). Поэтому, очевидно, что данная фраза неосторожно перенесена сюда из рассказа о нашествии Батия ⁹⁴⁾.

х х х

Энергичное использование того же рассказа мы видим еще в одном московском источнике конца XIV-начала XV века - в Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича ... ⁹⁵⁾

Это большое сочинение написано, в основном, выспренным языком официально-церковного славословия. Вот, например, одна из характеристик Дмитрия Ивановича: "... а сии Дмитрии неповинны же любляша, повинны же прашаше, по

-----
⁹³⁾ ПСРЛ, т.4, в.2, л.1925, стр. 338.

⁹⁴⁾ Ср. Повесть о разорении Рязани в повестях о Николе Заравском "не един бо сий град пленен бысть, но и мнози", стр. 296.

⁹⁵⁾ ПСРЛ, т.4, ч.1, в.2, л.1925, стр.361-366.

велику же Неву, яко отецъ есть миру, око слепым, нога хромым, столп и страждь и мерило известно, к свету правя подвластныя, от вышнего промысла правление приим роду человеческому, всяко смятение мирское исправляше высокопарный орел..." и т.д. На фоне этого высокопарного словесного плетения особенно ясно выделяются включенные в него живые слова из великолепного древнего памятника владимирской литературы. Некоторые отрывки из него приведены здесь в наиболее чистом и наиболее близком к оригиналу виде.

Здесь, в частности, мы читаем отступление автора, говорящее о том откровенном ужасе, который охватил его при виде картины страшного погрома. Оно уже знакомо нам в передаче Степенной книги и в близкой к оригиналу передаче повести о разорении Рязани:

Степенная книга:

"Аще восхождо рещи умом ужасяся и душа ми трепещет, сердце же болезнует и язык не движется, воспоминаая толика бедн" 96).

Повесть о разорении Рязани Батнем:

"Како на реку день той... се бо в горести души моея язык мой связывается, уста загражуются, зрак опусмеваает крепость изнемогает..." 97).

Пересказ этого же авторского отступления есть и в Каванской истории. Правда, оно отнесено там к ужасам, связанным с нападениями каванцев:

96) Степенная книга... стр. 358.

97) Повести о Николае Заравском... стр. 258.

"И како могу оказати или списати напасти оия грозныя и страшныя руским людям во время то. Страх бо мя обдержит, и сердце ми горит, и плач смущает, и сами слезы текут нао очию моею. И кто бо тогда изречи может бедн оия..." 98).

Это же авторское отступление, посвященное гибели целого города многочисленных жителей и большого войска, в Слово о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича... использовано для выражения скорби по поводу смерти одного этого князя. Благодаря более полному, чем в предыдущих случаях заимствованию, здесь оказались те самые авторские слова, которые объясняют происхождение заглавия произведения - "Слово о погибели руския земли" 99):

"Како вспешу... ти и како въздаголю о преставлении твоём? ... От горести язык овязается, уста заграждаются, гортань премолкает, смысл изменяется, враг опустевает, крепость изнемогается; аще ли промолчу, нудить мя язык яснее рещи... Что нареку день той? День скорби и тужи, день тьмы и мрака, день беды и печали, день вопля и слез, день сетования и жалости, день помышления и стра-

98) Казанская история..., стр.75.

99) Вопрос о том принадлежит ли это название автору произведения, или только составителю того единственного списка, в котором оно встречается - еще подлежит изучению. В обоих случаях оно отражает содержание произведения и опирается на соответствующий текст.

сти, день захлипания и кречания недоумею речи, яко день погибели" 100).

Этот отрывок очень примечателен еще и в другом отношении. В повести о разворении Рязани автор восклицает: "Како нареку день той, или како вопишу его..." Он ощущает себя человеком пишущим - "како вопишу", хотя тут же сохраняет такие выражения оригинала - "язык мой связается, уста заграждаются..." Судя по отрывку в Слове о Дмитрии Донском - древний автор называл себя певцом - "како вспевшу... и како возглаголю..." После этих слов более логично звучит и перечень следующих за ними оравнений: - "язык связается, уста заграждаются, гортань премолекает..." Очевидно, что в оригинале и должно быть "вспевшу", а не "вопишу". В этих словах мы узнаем автора-певца, который, подобно автору Слова о полку Игореве, "певше песнь" свою русским князьям и русской земле.

В Слове о житии и о преставлении Дмитрия Донского так же использован хорошо известный нам плач Ярослава Всеволодовича по убиенному брату Юрию, по всем погибшим от татар родичам и воинам. На этот раз слова его плача произносит вдова Дмитрия, княгиня Авдотья. Плач Ярослава подвергся здесь соответственной обработке. Поскольку он теперь вложен в уста женщины всё, что идет от первого лица поставлено в женском роде: "Почто родихся... , прже тебе како не умрох да бых не ведала смерти твоея, а своей по-

100)

ПОРД, т.4,ч.1,в.2, Л. 1925, стр.360.

гибели? 101) и т.п.

Точно так же переделаны обращения ко многим павшим в множественном числе на единственное. Ярослав обращается сначала к великому князю Юрию, называя его "солнце". Это обращение сохранено. Затем Ярослав обращается к остальной братии и войнам, ко многим - "... месяцы красны, скоро изгибесте; звезды восточные, почто рано зашли есте..." 102), здесь же читаем: "... месяц мой красны, звездо восточная, почто к западу грядеши..." 103). Как и во всех предыдущих случаях использования древнего памятника, московский компилятор сохранил для нас его живые нетронутые куски: "Свете светлий, чему помрачился еси? Гора великия, како погыбелли? ... звери земнии на ложи свои идути, а птица небесныя ко гнездом своим летяти, ты же, господине, от своего дому не красно отходиши..." 104).

Чрезвычайно важно для нас использование здесь обращения автора Слова о погибели... к русской земле. Там - "О светло светлая..." Здесь - "Свете мой светлий". Сочетание "свет светлий" встречается и в других памятниках древней русской литературы и могло попасть в устье Дмитрия не именно из "Слова". Однако, наличие рядом большого числа

101) ПСРЛ, т.4, ч.1, в.2, л. 1925, стр.359.
 102) Повести о Николе Заравском, стр. 398.
 103) ПСРЛ, т.4, ч.1, в.2, л.1925, стр.359.
 104) Там же.

других отрывков, происхождение которых мы теперь смело можем считать заимствованиями из Слова, делает весьма вероятным именно первое предположение.

В начале жития Дмитрия есть еще несколько отдельных выражений, которые походят на переработанные фразы, дошедшего до нас начала Слова:

"Страхом господства своего огради всю землю; от востока и до запад квално имя его; от моря и до моря, от рек до конца вселенныя превознесеса честь его, и мнози страны ужасонася. Царие ~~земсти~~ слышаше его и удивишася..."¹⁰⁵⁾

Тут же, в похвале Дмитрию есть места, совпадающие как по смыслу так и дословно с похвалой владимирским князьям, известной нам из повестей о Николе Зарасском, где она фигурирует как похвала князьям рязанским:

Слово о житии...Дмитрия: Повесть о разорении Рязани:

"Сии убо князь Дмитрий...¹⁰⁶⁾   "Сии бо государи рода Владимира Святославича - сродник же бысть новому чудотворцю Бориса и Глеба...¹⁰⁷⁾   ника Борису и Глебу..."

¹⁰⁵⁾ ПСРЛ, т.4, ч.1, в.2, л.1925, стр. 353.

¹⁰⁶⁾ Там же, стр.351.

¹⁰⁷⁾ Там же, стр.352. Очень интересно, что инородные слова - "новому чудотворцю" - вставлены компилятором без согласования падежей - "сродник... новому чудотворцю Бориса и Глеба". В повестях о Николе это место передано, несомненно, ближе к смыслу и, следовательно к оригиналу: "... рода Владимира Святославича - сродника Борису и Глебу" (стр.300)

...корени святого и богом
насаженнаго отрасль благо-
плодна и цвет прекрасни¹⁰⁸⁾

Святого корени отрасли и бо-
гом насаженнаго сада цвети
прекрасни" ¹⁰⁹⁾

Дальше идут столь же прямые совпадения в похвалах владимирским князьям и Дмитрию Ивановичу.

Д.С.Лихачев, исследовавший Повести о Николе Заравском обратил внимание на совпадения повести о разорении Рязани с летописной повестью о нашествии Тохтамыша и со Словом о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича..." ¹¹⁰⁾ Д.С.Лихачев предполагает зависимость этих произведений от повестей о Николе Заравском и раннее знакомство летописцев с этими повестями ¹¹¹⁾.

Здесь же Д.С.Лихачев подчеркивает необходимость внимательного исследования еще неясной, в момент когда писалась его работа, зависимости повести о разорении Рязани и Слова о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича:

"Сравнивая схожие между собой плачи Ингоря Ингоровича и вдовы Дмитрия Евдокии можно заметить большую первоначальность ¹¹²⁾ плача Евдокии... Однако с другой стороны заключительная в цикле Николи похвала рязанских князей отличается

¹⁰⁸⁾ Там же, стр. 351.

¹⁰⁹⁾ Повести о Николе Заравском... стр. 300.

¹¹⁰⁾ Там же, стр. 262-264.

¹¹¹⁾ Там же, стр. 363.

¹¹²⁾ Здесь Д.С.Лихачев ссылается на мнение В.Н.Адриановой-Перетц.

явно большей логичностью и цельностью, чем рассеянные по разным местам те же образы в "Слове" (о Дмитрие - Д.А.)¹¹³⁾

Это, на первый взгляд непримиримо противоречивое наблюдение в отношении двух памятников, допускающее, что "оба древнее" один другого, в действительности, свидетельствует лишь о безупречной объективности исследователя и о безошибочном чувстве источника. Сделанные Д.С.Лихачевым наблюдения при изучении названных текстов абсолютно верны, а кажущееся противоречие между ними теперь очень просто устраняется. Составители обоих памятников пользовались одним и тем же источником. При этом, в одном из них сохранена большая близость к оригиналу (то-есть большая первоначальность) в отношении одних мест, в другом большая близость к оригиналу (то-есть большая логичность, цельность, первоначальность) в отношении других.

В рукописном сборнике XIII века между летописными известиями о нашествии Батия помещен плач великого князя Юрия Всеволодовича¹¹⁴⁾. Плач этот явно сделан из плача Евдокии по Дмитрию Ивановичу и, таким образом, в конечном счете, восходит к плачу Ярослава. Почему, однако, он приписан Юрию? Это можно объяснить тем, что компилятор XIII в. знал плач Юрия в Степенной книге и, помещая его в свое сочинение, старался "оживить" - заменил его молитвенную бессодержательность живыми словами из хорошо тогда известно-

¹¹³⁾ Повести о Николе Заравском, стр. 264.

¹¹⁴⁾ ГПБ, Пог. № 1578, л.43об.-44об.

го плача Евдокии.

Интересно, что еще в 1903 году М.Халанский в этом путанном, случайном отрывке усмотрел следы Слова о погибели ¹¹⁵⁾. Догадка Халанского была верна. Однако он не мог объяснить несообразностей текста возникших из-за его большой отдаленности от оригинала и сложности пути от героя к герою - Ярослав-Евдокия-Юрий. Ввиду этого, его догадка была начисто отвергнута Н.И.Серебрянским ¹¹⁶⁾ и, после этого прочно забыта историографией.

х х х

Исследователи давно обнаружили следы начального отрывка Слова о погибели в нескольких произведениях древнерусской письменности, например, в Задонщине и в Житии князя Федора Ярославского редакции Андрея Юрьева. Нам, в данном случае интересуют такие следы Слова, которые проливают какой либо свет на текст или, хотя бы на общее содержание его недошедшей до нас части. С этой точки зрения Житие Федора Ярославского, в редакции Андрея Юрьева представляет большой интерес. Известно, что во введении к житию, написанном Андреем Юрьевым во второй половине XV века, имеется цитата из начала Слова о погибели. Ю.К.Бегу-

¹¹⁵⁾ М.Халанский. Материалы и исследования по истории древнерусского героического эпоса. ИОРЯЗ, т.УШ, кн.2, СПб, 1903, стр.174-176.

¹¹⁶⁾ Н.И.Серебрянский. Древне-русские княжеские жития. ЧОИДР, М., 1915, кн.3, стр.158-159.

нов, убедительно обосновал вывод о том, что Андрей Юрьев цитировал начало Слова не по Житию Александра Невского и высказал предположение, что Слово о гибели было известно Юрьеву " в отдельном виде от Жития Александра Невского" 117). Тут же Ю.К.Бегунов поспешил заметить, что "Житие князя Федора в редакции Андрея Юрьева не может дать материала для реконструкции недошедшей части Слова о гибели Руския земли 118). Это утверждение верно лишь в том смысле, что введение Андрея Юрьева, где мы видим прямую цитацию из начального отрывка Слова, не дает материала для текстуальной реконструкции недошедшей части памятника. Но, зато, мы находим здесь не менее важное для нас указание на то, что же содержалось в этой недошедшей части Слова.

Схема введения Андрея Юрьева, по своему содержанию, проста:

1. Описание величия и богатства русской земли, с помощью прямой цитации из Слова.

2) Долгая тирада о том, что все эти блага от бога и что "им же... воли божи не творяци...", и что за это последовала божья кара.

3) Этой карой явилось нашествие Битня: "... не токмо на Рускую землю, но ины земли пусты учиниша грех ради наших, великаго князя Юрия Всеволодовича и прочия князья

117) Ю.К.Бегунов, диссертация... стр.352-364.

118) Там же, стр.364.

руския победиша и вся славная грады руския поже и бысть плен велик зело" 119).

Мы снова, уже в который раз, видим, вслед за цитатой из начального отрывка Слова, рассказ о нашествии Батня, о гибели владимирских князей и о гибели всей русской земли.

И это снова подтверждает вывод о том, что именно эти события и составляют содержание недомедшей части Слова. То, что написал Андрей Ерьев о нашествии Батня отличается от того, что сказано об этом в проложной редакции жития Федора Ярославского, отличается ничем иным, как наличием перефразировки отрывка, уже известного нам по другим источникам рассказа.

Проложная редакция опирается на летописи: "Прииде с востока царь Батый и плени всю землю суздальскую и грады наша славная поже Володимер и Ростов и ту избииени быша приснопамятныя князи - Ерья Всеволодича и Василька и вся князи земля наша" 120).

У Андрея Ерьева то же самое сказано с очень характерным дополнением: "Не токмо на рускую землю, но инн земли пугу учиниша..." 121) Здесь нельзя не видеть перефразиров-

119) Н.И.Серебрянский. Древне-русския княжеския жития. (Обзор редакций и тексты). ЧОИДР, М, 1915, кн.3. Тексты, стр. 94.

120) Там же, стр. 90.

121) Там же, стр. 94.

ки известных нам слов: "Не един бо сий град пленен бысть, но и инии мнози" 122). "Не токмо же единая Москва ваята бысть тогда, но и прочии гради и страны пленени быша" 123).

В сочинении Андрея Юрьева фразы, безусловно совпадающая с выражениями двух независимых рассказов о гибели русского города от татар, находится рядом с прямой цитацией из начального отрывка Слова.

х х х

Подведем итоги нашего исследования:

1. Установлено существование древнего не летописного, литературного источника, посвященного гибели русской, владимирской земли, в результате нашествия Батня.

2. Героями этого произведения, в его первоначальном виде, являются владимирские великие князья Юрий и Ярослав Всеволодовичи, имена которых названы в Слове о гибели... как имена современных автору князей. Это повествование отражает исторические факты, имевшие место именно в Владимирокой земле, во время нашествия Батня.

3. Художественные образы этого произведения, а так же большие его куски использовались писателями XIV-XVII веков

122) Повести о Николе Зарайском.... стр. 296.

123) Рассказ о разорении Москвы Тохтамышем, ПСРЛ, т.4, ч.1, в.2, II, 1925, стр. 336-337.

при описании ужасов татарских нашествий на русские города. Различные памятники различных веков, использовали этот рассказ независимо один от другого, то-есть обращаясь к самому данному рассказу.

4. В пяти случаях из шести ~~большин~~ фрагменты, или пересказ именно этого рассказа о гибели русской земли от Батя, находятся рядом с прямыми цитациями, или с очень близким пересказом дошедшего до нас начального отрывка Слова о гибели: в Степенной книге, в Казанской истории, в Повести о разорении Рязани, в Олове о житии... Дмитрия Ивановича... и в Житии Федора Ярославского (редакция Андрея Орьева). Только в одном случае рядом с большими фрагментами данного рассказа нет явных цитат или очевидного пересказа начального отрывка Слова - в рассказе о взятии Москвы Тохтамышем.

5. Разгром русской земли батневой ордой различные писатели разных веков, использовавшие данный рассказ, настойчиво называют "погибелью земли".

6. Во всех случаях, когда налицо большие фрагменты данного рассказа, в них явственно различим характерный и для начального отрывка Слова строй речи - перечисление однородных членов завершающееся обобщающей фразой.

7. Фрагменты именно данного рассказа, в Повести о разорении Рязани Батнем были единодушно оценены исследователями, как образцы высокой художественности и такого литературного мастерства, которое ставит их на второе место в древнерусской литературе после Слова о полку Игореве

8. Хорошо известны случаи использования одного лишь начального отрывка Слова в памятниках древнерусской литературы: в начале Жития Александра Невского (2 списка), в Задонщине (список Евросина) и в Родословии русских князей, предваряющем Степенную книгу. Характерно, что все эти обращения к одному лишь началу Слова относятся к памятникам оптимистическим, посвященным описаниям величия и побед Руси. Естественно, что, за исключением начального гимна величию русской земли, этим произведениям в Слове о гибели... заимствовать было нечего. Напротив того, 9 памятников, касавшихся того ужасного испытания, выпавшего на долю Руси, в связи с татарским нашествием, естественно обратились именно к основному содержанию памятника, к описанию самой гибели: Степенная книга (степень седьмая), Казанская история, Повесть о разорении Рязани Батыем, рассказ о нашествии Тохтамыша, Слово о житии... Дмитрия Ивановича... Сказание о владимирской иконе божьей матери, Никоновская летопись, Житие Федора Ярославского, Сборник ХУП в. (плач Юрия). Уже было сказано, что 6 из них использовали и начальный отрывок тоже.

9. Все это вместе взятое позволяет сделать вывод: встречающиеся в различных источниках XIV-XVII вв. фрагменты и пересказы одного и того же повествования о гибели русских земель и городов от нашествия татарских орд восходят к замечательному памятнику древнерусской литературы - Слову о гибели русской земли. Эти фрагменты и пересказы являются материалом, достаточным для полного восста-

новления содержания этого памятника, а так же для реконструкции значительной части его текста. Первый опыт такой реконструкции прилагается ниже.

Вывод о том, что устойчивый высокохудожественный рассказ о гибели русской земли от татар, переходящий из века в век, восходит к Слову о погибели, отражает его содержание и, частично, его подлинный текст, представляется мне бесспорным. Зато в такой же мере спорной, черновой и абсолютно предварительной является предлагаемая реконструкция. Для воссоздания максимально близкого к древнему оригиналу текста понадобятся еще усилия многих литературоведов и лингвистов. На основе научной реконструкции Слова предстоит новое исследование его в различных аспектах.

Мне тоже хотелось бы принять участие в изучении ряда проблем, которые, как мне кажется, возникнут теперь перед исследователями. Эти проблемы таковы:

Слово о погибели... и Слово о полку Игореве.

Слово о погибели... и моление Даниила Заточника.

Слово о погибели... и рассказ о Евпатии Коловрате.

Слово... как исторический источник XII века.

И наконец, - поиски новых отражений Слова в других источниках.

Перечисляя эти проблемы, я ни в малейшей степени не заявляю своего приоритета на их исследование. Напротив, я буду считать задачу данного, первичного исследования тем лучше выполненной, чем больше оно вызовет исследовательского интереса к вытекающим из него вопросам.

13. 3. 61г.

